

ДВУХПАРТИЙНЫЙ КОНСЕНСУС США В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ: КАК ОН ФОРМИРУЕТСЯ И РЕАЛИЗУЕТСЯ

Виктория ЖУРАВЛЕВА
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Аннотация: В настоящее время в США наблюдается двухпартийный консенсус в отношении Китая: обе партии признают, что Китай представляет экзистенциальную угрозу для США, их экономики, социально-политического уклада и роли глобального лидера. Эта концептуальная позиция представляет яркий контраст с бесконечными баталиями демократов и республиканцев на внутривластной арене, блокирующими ключевые законодательные инициативы и выработку единой социально-политической повестки страны. Такое редкое единение приводит внешних наблюдателей к заключению, что у США появился новый внешний враг, перед лицом которого они смогут преодолеть свои внутренние противоречия. Политическая элита США также активно использует образ врага, призывая нацию к единству. Данная статья призвана выявить содержание подобного двухпартийного консенсуса о противостоянии Китаю. Исследование построено на анализе нескольких источников, позволяющих судить об отношении к Китаю в США по партийной линии, специфических для каждого из уровней партийно-политической системы – партийные платформы на федеральном уровне, законодательные инициативы на уровне штатов и городов, опросы общественного мнения на уровне общества. В статье показано, что согласные в концептуальном видении китайской угрозы демократы и республиканцы предлагают неодинаковые пути противостояния ей. Отличие в методах борьбы вытекает из разных идейно-ценностных моделей, проявляющихся при реализации как социально-экономической повестки внутри страны, так и внешнеполитических стратегий на международной арене. Единство партий заканчивается на этапе выработки концептуальной рамки противостояния с соперником. Реализация конкретных шагов антикитайской повестки на уровне штатов и городов проходит в соответствии с идейно-политическими установками каждой из партий, а отношение общества к китайской угрозе демонстрирует четкий раскол по партийной линии. Концептуальное позиционирование нового внешнего врага принесло в США антикитайскую кампанию консервативных политиков, реализующуюся в принятии дискриминирующих законов в республиканских штатах в отношении граждан Китая, и новую волну антикитайских настроений в обществе, проявляющихся во вспышках насилия к азиатским меньшинствам. Таким образом, в статье доказывается, что двухпартийный антикитайский консенсус работает не на объединение, а на разделение США.

Виктория Юрьевна Журавлева – кандидат политических наук, заместитель директора, руководитель Центра североамериканских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.
ORCID 0000-0003-1911-625X. E-mail: zhvika@imemo.ru
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Поступила в редакцию: 22.03.2024

Принята к публикации: 25.05.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ключевые слова: США, двухпартийный антикитайский консенсус, стратегическая конкуренция, внешний враг, антикитайская истерия, дискриминационное законодательство, этнические меньшинства, Демократическая партия, Республиканская партия, партийные платформы

Введение

В своем Обращении к Нации 2024 года Дж. Байден заявил, что *«сегодня США переживают уникальный исторический момент... – свобода и демократия находятся под угрозой одновременно внутри страны и на международной арене»*¹. Свое выступление Президент сравнил с обращением Ф.Д. Рузвельта в 1941г., назвав его набатом для Конгресса и всей Нации, которой пришлось время объединиться в исторической миссии по защите демократии. Действующий президент США не раз за свои четыре года пребывания в Белом доме обращался к образу *«священной войны»*, которую ведут США и их союзники за свободу и демократию против автократий, чтобы призвать американскую нацию к единству². Действующая Стратегия национальной безопасности также говорит об уникальной роли США в борьбе демократий с авторитарными режимами³.

Миссия по спасению демократии должна, в представлении Дж. Байдена и многих его соратников по партии, объединить расколотую страну перед лицом внешней опасности. Внешняя политика вновь наделяется политической элитой особой ролью спасения страны, преодоления очередного кризиса идентичности, остро переживаемого США в последние годы (Курилла, 2024). Между тем миссия объединения не так проста в реализации: для ее успеха необходимо выбрать правильного врага и правильное время. Как показала попытка «захвата Капитолия» в январе 2021 г., даже демократию американские граждане понимают по-разному и защищают ее тоже по-разному.

С первых же дней после инаугурации Дж. Байден начал выводить на первый план главного стратегического противника – Китай, растущая мощь которого в представлении политического руководства страны может представлять экзистенциальную угрозу для США, а значит, сможет объединить и политическую элиту и общество. Настоящая статья посвящена тому, чтобы оценить путь, который нужно пройти США от антикитайской риторики до действительного единства страны. Для этого автор анализирует позиции представителей двух партий на трех уровнях: федеральном, уровне властей

¹ State of the Union Address (2024). *The White House*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/state-of-the-union-2024/> (accessed 8 March 2024).

² Baker P. (2023) Biden Takes His Battle for Democracy Case by Case. *New York Times*. 25 July. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/07/25/us/politics/biden-democracy-autocracy.html> (accessed 8 March 2024).

³ National Security Strategy 2022 (2022). *The White House*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 8 March 2024).

штатов и городов, на уровне общества. Автор убеждена, что рассмотрение США как единой многоуровневой системы, в которой каждый из уровней структурируется в бинарной схеме «демократы против республиканцев», позволяет оценить потенциал антикитайских настроений с точки зрения их объединяющей силы.

При этом «оценка» в данной статье не предполагает математического подсчета всех антикитайских высказываний, законодательных актов и выступлений. Такая масштабная работа остается за рамками настоящего исследования. Статья представляет первый этап эмпирического цикла исследований социо-политической реальности. В ней представлены результаты опосредованных наблюдений за этой реальностью и аналитические выводы автора, в основе которых лежит фактология антикитайских настроений в различных формах, проявляющихся на всех трех уровнях системы, и базовые статистические данные, представленные на официальных правительственных сайтах США. Автор анализирует несколько источников, позволяющих судить об отношении к Китаю в США по партийной линии, специфических для каждого из уровней системы. Это партийные платформы – на федеральном уровне, законодательные инициативы – на уровне штатов и городов, опросы общественного мнения и факты проявления общественного недовольства, отраженные американскими средствами массовой информации – на уровне общества.

Гипотеза исследования состоит в том, что, несмотря на видимое единство демократов и республиканцев на уровне федеральной законодательной активности и двухпартийное позиционирование Китая в качестве экзистенциальной угрозы для США, восприятие этой угрозы и необходимости на нее реагировать, а также формы и масштабы реакции отличаются у представителей обеих партий как на уровне власти, так и на уровне общества. Масштабы антикитайской истерии напрямую определяются партийной принадлежностью властей всех уровней и общества. В связи с этим можно предположить, что наличие китайской угрозы вряд ли будет способствовать общенациональному единству США. Более того, чем глубже становится партийный раскол, тем больше будут разниться все виды реакции на нее у представителей республиканцев и демократов на всех уровнях политической системы.

Может ли внешний враг вернуть единство нации: теоретико-методологические основания исследования

Концепция внешнеполитической угрозы как эффективного инструмента национального объединения в США довольно распространена среди наблюдателей и экспертов (Bafumi, Parent, 2012)⁴. Однако, как обоснованно доказывает в своей работе Рейчел Мирик, исследователь из Университета

⁴ Rodriguez G. (2009) What This Country Needs Is a Good Enemy. *Los Angeles Times*, 5 October. Available at: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2009-oct-05-oe-rodriguez5-story.html>; Brooks D. (2019) How China Brings Us Together: An Existential Threat for the Twenty-first Century. *New York Times*, 14 February. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/02/14/opinion/china-economy.html>; Kurth J. (1996) America's Grand Strategy: A Pattern of History. *National Interest*, 1 March. (accessed 24 March 2024).

Дьюка, наличие внешней угрозы никак не решает проблему поляризации американского общества, которая вызвана прежде всего эндогенными причинами, и более того, поляризация влияет на ответы США на внешние угрозы (Myrick, 2021). Американский исследователь провела масштабный анализ текстовых файлов выступлений конгрессменов в отношении международных кризисов, затрагивающих США, за период с 1873 по 2017 г., чтобы выявить связь между кризисом и партийной поляризацией риторики. Проведенные ею исследования показали отрицательную корреляцию на протяжении всего исследованного периода: внешние кризисы не уменьшают степень поляризации партийной риторики конгрессменов.

Теория положительного влияния внешней угрозы на межпартийное единство (Bafumi, Parent, 2012), особенно часто озвучиваемая в последние годы в отношении Китая, построена на гипотезе, что низкая поляризация в США в период холодной войны была связана с наличием постоянного внешнего врага и что для возвращения к единству нужно восстановить или воспроизвести прежние и привычные условия. Между тем, помимо того, что прямой перенос характеристик конкретного исторического периода на текущий отрезок времени без учета специфики новых условий сам по себе некорректен, ошибочность вывода связана также с тем, что он не учитывает фактор внутренних условий – социально-политических и институциональных, которые тоже изменились со времен холодной войны. Текущая поляризация – результат социокультурных трансформаций американского общества, накопившихся ценностных противоречий, внутрипартийных и процедурных изменений в работе Конгресса, в частности, в организации работы комитетов и голосований. Можно спорить о первичности внутренних и внешних условий для развития сложной социальной системы (Kaplan, 1962; Easton, 1965), но очевидно, что ее ключевые характеристики определяются сочетанием первых и вторых, при изменении «формулы» этого сочетания меняются и характеристики самой системы. Представляется, что попытки политической элиты США решить проблему внутреннего единства одним лишь восстановлением внешних условий, похожих на период холодной войны, т.е. возвращением «врага» в конечное уравнение, могут оказаться бесполезными. Особенно в ситуации, когда и враг поменялся.

В условиях растущей поляризации внешняя политика все чаще оказывается единственным полем для двухпартийного компромисса. Необходимость продемонстрировать электорату единство (особенно в выборный сезон) реализуется именно с помощью внешнеполитической повестки. Это дает возможность предположить, что двухпартийное единство на международной арене вполне может соседствовать с внутренним расколом. «Внешний враг» может побудить политическую элиту США объединить усилия по противостоянию ему на международной арене, но не может заставить демократов и республиканцев выйти за свои ценностные рамки, чтобы принять важнейшие социальные законы, которые годами лежат в разделенном Конгрессе.

Автор данного исследования полагает, что ключом к пониманию такой ситуации может быть то, что одна и та же идейная или стратегическая концепция – социально-политическая и внешнеполитическая – может предполагать разные методы и инструменты ее реализации. Партии, будучи согласны друг с другом относительно общей концепции, могут предлагать и использовать противоречащие друг другу методы ее реализации. При решении внешнеполитических задач спор о методах может быть не таким принципиальным, потому что в большинстве случаев он не касается социально-экономического благополучия своего электората, и потому не мешает партиям выработать компромиссный подход. Однако при решении социально-экономических задач внутри страны именно методы их решения оказываются главным камнем преткновения и мешают партиям, формирующим две зачастую оппозиционные социальные реальности, выработать общее решение.

Проведенное исследование показывает также, что готовность договориться о противостоянии противнику на внешней арене соседствует с тем, что внутри страны реакции на противника как властей штатов и городов, так и общества формируются по партийной линии в соответствии с ценностной матрицей каждой из партий. Это также связано с тем, что за концептуальным консенсусом двух партий зачастую стоят совершенно разные методы и инструменты реализации, которые партии планируют использовать. Именно формами реализации двухпартийного консенсуса в отношении Китая и отличаются позиции Демократической и Республиканской партий.

Между идеологией и безопасностью: от прокитайского к антикитайскому двухпартийному консенсусу

До откровенно антикитайской политики, развернутой Д. Трампом, отношения двух стран внешне выглядели вполне конструктивными, взаимовыгодными и признавались такими обеими партиями с конца холодной войны вплоть до 2016 г. Фактически так называемый антикитайский консенсус между партиями пришел на смену прокитайскому консенсусу, сложившемуся вскоре после распада биполярности. Несмотря на то, что республиканцы призывали к большей сдержанности и осторожности, они так же, как и демократы, строили отношения с Китаем в логике экономической выгоды.

Межпартийные компромиссы во внешней политике США рождаются из пересечений общих идейно-ценностных концепций, внутрипартийных идейных течений и социально-экономических и политических интересов тех групп, которые они представляют. Каждый конкретный компромисс представляет собой уникальное сочетание всех трех компонентов, с изменением баланса между ними компромисс рассыпается или трансформируется в новый, как и произошло с формированием текущей позиции партий в отношении Китая.

При этом у каждой из партий есть свой компромисс идей и интересов, формула которого должна совпасть с компромиссом другой партии. Последние десятилетия Демократическая партия одновременно представляет интересы малого бизнеса, синих воротничков и глобалистов, крупных технологических

компаний. Формирование прокитайской позиции требовало от партийной элиты фактически пожертвовать интересами синих воротничков и малого бизнеса. Республиканская партия одновременно представляет крупный промышленный бизнес, транснациональные компании, военно-промышленный комплекс. При формировании прокитайской позиции выбор республиканской элитой также был сделан в пользу интересов крупного бизнеса, который видел в Китае большие возможности.

В идейно-концептуальном плане Китай, как и другие страны, вписан в рамки внешнеполитических моделей двух партий, которые отражают их восприятие себя и внешнего мира в целом. Обе модели строятся на уникальном сплаве идей, мифов и верований, разделяемых и республиканцами, и демократами – национальном коде идентичности (Баталов, 2001; Журавлева, 2015; Курилла, 2024). В разные периоды они особо выделяют в этом коде какой-то аспект, который становится на время визитной карточкой каждой из них на международной арене, тем, что отличает одну партию от другой как для внешнего мира, так и для американского избирателя. При этом внешнеполитические модели партий так же как, социально-политические, взаимно влияя друг на друга, постепенно меняются, реагируя на меняющиеся внешние и внутренние условия и отражая изменение идейного баланса внутри каждой из партий.

В 1990-х гг. демократы переработали под себя концепцию идеологической борьбы периода холодной войны, и в основу их призм легла теория построения идейно близкого мира через распространение в нем либеральной демократии, миссионером и амбассадором которой США исторически себя считали. Концепция *«уникальной миссии США»*, будучи частью кода идентичности США (Баталов, 2001), разделялась обеими партиями, поэтому неизменно присутствовала и во внешнеполитической модели республиканцев. В американскую политику в отношении Китая аспект идеологии привнесла именно Республиканская партия после Второй мировой войны, когда правые консерваторы увидели в идее противостояния коммунистическому Китаю возможность для их партии потеснить демократов на внешнеполитическом олимпе, куда их привела победа США в войне (Мао, 2015). Но в основу своей концептуальной призм Республиканская партия из эпохи биполярности забрала идею безопасности.

Балансирование между идеологией и безопасностью особенно видно в эволюции стратегической линии каждой из партий в отношении Китая. Демократы выстраивали отношения с Китаем на концепции идейной близости, ставя во главу угла постепенное изменение политического режима Китая, как условие его вхождения в ближний круг партнеров США. Идеологическая призма полностью формировала их стратегию и политику. У республиканцев же в восприятии Китая доминировала призма безопасности, которая, однако, на этапе формирования прокитайского компромисса отошла на второй план под давлением экономических интересов.

В итоге первый двухпартийный баланс сложился в сторону интересов транснациональных технологических компаний и крупного промышленного бизнеса, которые удачно сошлись с идеалами глобалистов и сторонников всеобщей демократизации, перевесив еще тогда немногочисленных республиканских консерваторов-традиционалистов, сторонников неоизоляционистского будущего США.

Слом прокитайского компромисса и формирование нового произошли под влиянием внутренних процессов в каждой из партий. Сначала в Республиканской партии баланс между идеологией-безопасностью окончательно сдвинулся в пользу последней, а потом демократы пересмотрели место Китая в своей идейной матрице.

Идея безопасности усилила свое доминирование во внешнеполитической модели республиканцев после трагедии 11 сентября 2001 г., определив под влиянием правых консерваторов стремление партии вернуться к изоляционизму. Соображения безопасности стали перевешивать мессианские устремления, и консерваторы перетаскивали партию полностью в правый сектор шкалы «мессианство-изоляционизм», в рамках которой обе партии (а с ними и внешняя политика США) перемещаются на протяжении всей истории (Журавлева, 2014). В начале нового века их концептуальный подход в отношении Китая вновь формировался в попытках перехватить инициативу у демократов, присвоивших себе лавры победы демократии над коммунизмом. Критикуя их политику экономической открытости, правоконсервативные республиканцы первыми начали высказывать опасения о том, что растущая мощь Китая может представлять угрозу американской экономике (Журавлева, Черкашин, 2023).

Тем временем демократы переживали свои изменения в идейно-концептуальном видении Китая. К началу второго десятилетия XXI в. они были вынуждены с разочарованием признать, что стратегия демократизации через либерализацию, которую они продвигали, лоббируя, в частности, вступление партнера в ВТО и поддерживая вывод американского производства в Китай, не сработала. Политика нового китайского лидера дала четкий сигнал внешнему миру в целом и США в частности, что Китай не планирует перестраиваться на американские рельсы и менять свою политическую систему. Разочарование не заставило демократов пересмотреть идеологическую призму своей внешнеполитической модели: вместо этого они перевели Китай из разряда стран, на которые распространяется демократическая миссия США, в разряд противников демократии, сделав их угрозой⁵.

Так соображения безопасности изменили идеологическую формулу отношения к Китаю у обеих партий. Разочарование демократов совпало с ростом идеологизации Республиканской партии под влиянием правых

⁵ National Security Strategy 2010 (2010). *Obama White House Archives*. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf; National Security Strategy 2022 (2022). *The White House*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (accessed 10 March 2024).

консерваторов, которые актуализировали борьбу с идейно чуждым режимом. Противостояния авторитарному Китаю и спасение демократии отражали новый баланс идеологии и безопасности, приемлемый для обеих партий.

При этом у обеих партий произошла и смена доминирующих групп интересов, на которые каждая из них делает ставку при формировании и реализации стратегий в отношении Китая. Впервые за несколько десятилетий самой востребованной социальной группой для обеих партий стал рабочий класс, борьба за голоса которого развернулась после появления на политической арене Д. Трампа (Богаевская, Журавлева, 2021). К 2024 г. вторым элементом социальной базы политики противостояния Китая стал военно-промышленный комплекс, за финансовую лояльность которого теперь также конкурируют и демократы, и республиканцы.

Вслед за изменением внутрипартийных балансов формула двухпартийного консенсуса изменилась, и начал формироваться новый, теперь – антикитайский. Разочарованные демократы смогли достичь согласия с той частью Республиканской партии, которая представляла интересы ВПК и была к концу первого десятилетия 2000-х гг. крайне озабочена растущей угрозой национальной безопасности страны со стороны Китая.

Эти две группы стали основой антикитайского двухпартийного консенсуса, сформировавшегося к концу второго срока Б. Обамы и ставшего основой новой политики в отношении Китая, названной действующим президентом *«стратегическое противостояние»*. В начале 2000-х гг. республиканец Дж. Буш-мл. назвал отношения США с Китаем стратегической конкуренцией, потом Б. Обама переименовал их в стратегическое партнерство, которое, однако, продержалось недолго. Сегодня обе партии уверены в том, что вызовы со стороны Китая недооценивались политической элитой и в действительности они могут угрожать не только экономическому и политическому развитию страны, но и американскому глобальному лидерству, обязательной компонентой которого является защита либеральной демократии⁶.

Новый двухпартийный консенсус касательно Китая обеспечил преемственность курса в отношении противника, несмотря на ценностное противостояние на внутривнутриполитической арене. Первые шаги к сдерживанию Китая США начали делать к концу второго президентского срока Б. Обамы. Пришедший ему на смену Д. Трамп запустил уже полномасштабный слом политики взаимодействия двух стран. Президентство Байдена стало продолжением этой же линии: хотя демократы постарались смягчить риторику, Дж. Байден сохранил большинство тарифов на китайский импорт в США, продолжил технологическую войну с Китаем, запустил целый комплекс мер на усиление

⁶ National Security Strategy 2017 (2017). *Trump White House - National Archives*. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf>; National Security Strategy 2022 (2022) *The White House*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (accessed 10 March 2024).

автономии американской экономики и так же, как его республиканский предшественник, продолжил вкладываться в модернизацию американского флота, повышая боеготовность США на случай военного конфликта.

Постепенное формирование позиции на сдерживание Китая можно проследить в партийных платформах. С 2008 г. до 2020 г. демократы прошли путь от признания Китая в качестве растущей державы и готовности способствовать его интеграции в глобальное пространство до решимости оказывать на него давление, чтобы заставить следовать правилам⁷.

В республиканских платформах за тот же период на примере Китая очень хорошо видно изменение вектора внешнеполитической стратегии республиканцев к протекционизму и унититаризму под влиянием растущего право-консервативного крыла. В платформе 2008 г. они еще так же, как демократы, «приветствуют» растущий Китай⁸ и развитие демократии в нем и отмечают необходимость обеспечения того, чтобы Китай выполнял требования ВТО. А в 2016 г. уже обвиняют Китай во враждебном поведении и разрушении всех «оптимистических надежд на сотрудничество»⁹.

Стратегии национальной безопасности последних двух президентов также демонстрируют двухпартийный концептуальный подход к Китаю: сдерживание противника, усиление себя. После Стратегии 2015 г., где администрация Б. Обамы еще комплиментарно отмечает рост Китая, но уже предупреждает о намерении США мониторить военную модернизацию Китая и готовности принуждать конкурента соблюдать международные нормы и правила¹⁰, Д. Трамп называет Китай враждебно ревизионистской державой¹¹, бросающей вызов США. В республиканской стратегии противник представлен агрессивно растущей нелиберальной державой, увеличившей свое могущество во многом за счет украденных американских технологий и нарушений всех норм международного сообщества¹². Здесь уже заявляется о готовности США самостоятельно и с позиции силы противостоять намерениям Китая сместить их с лидерских позиций.

Стратегия Дж. Байдена также следует в русле двухпартийного конфронтационного восприятия Китая¹³. При этом по тону стратегия демократической администрации ближе к последней стратегии Б. Обамы – градус агрессии

⁷ Democratic Party Platforms (2008) *The American Presidency Project*, 25 August. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2008-democratic-party-platform> (accessed 3 March 2024).

⁸ Republican Party Platform (2008) *The American Presidency Project*, 1 September. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2008-republican-party-platform> (accessed 3 March 2024).

⁹ Republican party Platform (2016) *Ballotpedia*. Available at: https://ballotpedia.org/File:2016_Republican_Party_Platform.pdf (accessed 3 March 2024).

¹⁰ National Security Strategy (2015) *Obama White House Archives*. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed 2 March 2024).

¹¹ Trump's National Security Strategy Labels China a «Revisionist Power» (2017). *China-US focus*, 22 December. Available at: <https://www.chinausfocus.com/focus/china-this-week/2017-12-22.html> (accessed 2 March 2024).

¹² National Security Strategy 2017 (2017). *Trump White House - National Archives*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 2 March 2024).

¹³ National Security Strategy 2022 (2022). *The White House*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (accessed 2 March 2024).

сильно снижен и предпринята попытка интегрировать логику сотрудничества с логикой конфронтации. Этот гибридный подход называется демократической администрацией *«стратегической конкуренцией»*. Китай признается единственным конкурентом, который имеет намерения и достаточные ресурсы для пересмотра глобального порядка, построенного и управляемого США. В то же время признаются серьезное влияние и значимость Китая для глобальной экономики. Исходя из этого, делается вывод, что в интересах США вести *«ответственную конкуренцию»* с Китаем, сотрудничая в тех областях, где это нужно и выгодно США, при этом используя все имеющиеся средства, включая коллективные усилия, чтобы отстаивать свои ценности и защищать своих союзников.

В Стратегиях проявилось главное отличие позиций партий в отношении Китая: оставаясь в идейно-концептуальных рамках установленного консенсуса, партии предлагают разные пути его реализации.

Антикитайский консенсус: общие принципы, разные методы

Два разных подхода к решению проблемы противостояния с Китаем, которые сначала проявились в Стратегиях национальной безопасности, впоследствии стали реализовываться на практике. Если демократы предлагают выстраивать коалиции с союзниками и привлекать международные институты к оказанию давления на Китай, то республиканцы решительно настроены справляться самостоятельно с китайской угрозой. В этом различии в методах противостояния обе партии действуют четко в своих традиционных внешнеполитических парадигмах. Демократическая внешнеполитическая модель в гораздо большей степени включает в себя участие в международных институтах и готовность отвечать на международные вызовы совместно с союзниками, чем республиканская. Особенно это различие усилилось с повышением влияния правых консерваторов внутри Республиканской партии, скептически настроенных к различным формам включенности США в многонациональные институты и союзы.

В целом, демократы и республиканцы согласны, что политика в отношении Китая должна быть жесткой, и риторика Дж. Байдена и Д. Трампа значительно перекликается. Но практика реализации консенсуса может быть совершенно разной при доминировании одной или другой партии в федеральном правительстве.

Стратегия Дж. Байдена по противостоянию Китаю состоит из четырех компонентов: инвестировать в американское производство; объединяться с союзниками, подключая их к противостоянию; избегать дипломатическими методами эскалации конфликта; конкурировать с ним в ключевых сферах.

Его основной конкурент Д. Трамп, как и большинство Республиканской партии, считает, что США должны максимально полагаться только на себя, прекратить дипломатические вежливости с Китаем, усилить протекционистские меры, но согласен с действующим президентом, что с противником надо активно конкурировать в ключевых сферах.

Отличия в методах не мешают партиям демонстрировать единство в решительности противостоять Китаю, но при этом позволяют дистанцироваться на внутренней арене и критиковать друг друга в предвыборных баталиях, пытаясь на внешнеполитической тематике заработать очки у разочарованного и уставшего избирателя. Китай традиционно был относительно безопасной темой для критики оппонента – оппозиционной партии, президента, конгресса. Партии представляли разные подходы к развитию отношений с Китаем и обязательно подчеркивали эту разницу в ходе предвыборных баталий, оставаясь в парадигме «взаимозависимых экономик». Взаимозависимость экономик действительно была (и во многом пока остается) настолько велика, что вся публичная критика воспринималась не более чем часть избирательного ритуала.

Сегодня политика в отношении Китая остается, как и в предыдущие десятилетия, удобным поводом для критики действующей администрации со стороны оппозиционной партии, но теперь тема противостояния вызывает больший эмоциональный отклик у избирателей, обеспокоенных перспективой прямого столкновения с противником. И политики активно используют эти общественные настроения, привлекая к себе внимание популистской риторикой и жесткой критикой оппонента.

Так было в период президентства Д. Трампа, когда демократы представляли из себя умеренную силу, которая в противовес радикальному президенту готова была выстраивать конструктивные отношения с Китаем.

Так происходит и сейчас – политика действующего президента в отношении Китая в ходе текущей президентской кампании стала одним из пунктов критики со стороны республиканских кандидатов¹⁴. Большинство уже сошедших с гонки кандидатов, как и основной ее участник, считают, что Дж. Байден слишком мягок в отношении Китая и что США не могут вернуться к временам Б. Обамы в китайской политике.

Бывшие конкуренты Д. Трампа по партии жестко высказываются в отношении Китая, называя его самым главным противником США со времен окончания холодной войны, говоря о начале второй «холодной войны», предлагая различные меры по расширению военного присутствия у берегов Тайваня¹⁵. При этом большинство республиканских кандидатов так же, как демократы, считают, что необходимо избегать прямого военного столкновения с Китаем, даже те, кто предлагает расширять флот и вооружать Тайвань.

Однако при единстве большинства так же, как и раньше, внутри обеих партий сосуществуют разные взгляды на политику в отношении Китая. В рядах Республиканской партии все еще есть сторонники дипломатического вовлечения Китая. Например, Рэнд Пол, который выступает за сохранение

¹⁴ Yilek C. (2023). Where the 2024 republican presidential candidate stand on China. *CBS News*, 22 November. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/where-the-2024-republican-presidential-candidates-stand-on-china/> (accessed 3 March 2024).

¹⁵ Ibid.

отношений, против запрета ТикТока и против военной поддержки Тайваня. В Демократической партии тоже есть разные позиции при сохранении доминирующего вектора противостояния. Так, например, т.н. прогрессисты, представляя более молодое поколение партии, видят в политике администрации Дж. Байдена призраки мышления холодной войны и предлагают отказаться от великодержавного соперничества. Именно они выступили против создания Специального комитета Палаты представителей по стратегической конкуренции между США и Китаем, инициированного республиканцами в 2023 г. Признавая наличие конкуренции с Китаем, прогрессисты считают, что наиболее верным ответом на нее являются шаги Дж. Байдена по поддержке промышленности в США и развитию высокотехнологичных производств. В то время как агрессивная риторика и политика, реализуемая республиканцами, ведут только к росту антиазиатских настроений в США и росту преступлений против лиц азиатской внешности.

Эти внутрипартийные оппозиционные течения пока не могут принципиально изменить формулу партийных компромиссов и сдвинуть двухпартийный консенсус на противостояние. Но как показывает история развития американской стратегии в отношении Китая, они могут стать будущим нового консенсуса, особенно если изменятся экономические и внешнеполитические условия.

Борьба с Китаем на уровне штатов

Если на федеральном уровне различия в методах и подходах к противостоянию китайской угрозе не нарушают видимости двухпартийного единства, то на уровне штатов, городов и общественных настроений именно формы непосредственной реализации общей установки на противостояние проявляют общий ценностный раскол между партиями и их сторонниками.

Объясняется это тем, что федеральная власть в США в большинстве сфер может лишь устанавливать общие рамки, предлагать концептуальные подходы и финансировать отдельные программы. Эти задачи вполне позволяют партиям оставаться в рамках двухпартийного консенсуса. Однако непосредственная реализация тех или иных рекомендаций и концепций полностью находится в ведении властей штатов и городов, которые контролируются одной или другой партией. Поэтому именно на этом уровне и проявляются основные различия между демократами и республиканцами. На этом уровне внешнеполитическая риторика, которая может быть вполне консенсусной, превращается в социально-экономическую практику, выявляющую тот ценностный раскол, который существует между партиями в большинстве социально-экономических сфер. Внешнеполитическая логика единения перед внешним врагом перестает действовать, когда дело доходит до регулирования конкретных сфер жизнедеятельности граждан.

Этот раскол легко выявляется простым наблюдением за законодательной деятельностью властей штатов и городов, контролируемых Республиканской партией, и сравнением ее с законодательными инициативами властей

штатов и городов с демократическим большинством. В этом исследовании отражены лишь некоторые из наиболее публичных шагов властей тех штатов и отдельных городов, где Республиканская партия имеет большинство в обеих палатах легислатур и контролирует исполнительную власть, которые можно расценить как антикитайские.

Самый широко обсуждаемый законодательный шаг на сегодняшний день, который можно отнести к реализации антикитайской двухпартийной повестки, – это регулирование покупки земли и собственности в США иностранцами. Процесс традиционно был запущен на федеральном уровне, но практически реализован пока только на уровне отдельных республиканских городов и штатов. В 2022 г. в Комитет по иностранным инвестициям Министерства финансов поступил запрос на расследование покупки земли китайской кампанией в штате Северная Дакота рядом с авиабазой Гранд Форкс, в ответ на который Комитет был вынужден признать, что не обладает законодательными основаниями для подобного расследования. Это вызвало целую волну рассмотрений и принятий законопроектов, ограничивающих возможности иностранных компаний покупать недвижимость или владеть ею в республиканских штатах. Достаточно быстро кампания приобрела антикитайский характер.

С 2023 г. из 241 законопроекта, которые ограничивают права на владение недвижимостью иностранными физическими или юридическими лицами, 205 рассматриваются в законодательных собраниях различных штатов и 36 – на федеральном уровне. Из них 194 законопроекта предполагают ограничения с недвижимостью именно в отношении китайских граждан. 174 рассматриваются в 38 штатах и 20 законов рассматриваются на федеральном уровне. 24 законопроекта уже были приняты в 17 штатах. Из них 7 законов запрещают сделки с недвижимостью именно для китайских граждан¹⁶. Такие законы уже приняты и начали действовать в Арканзасе, Западной Вирджинии, Индиане, Небраске, Флориде и Южной Дакоте. Все эти штаты полностью контролируются Республиканской партией, т.е. губернатор и обе палаты законодательного собрания находятся под контролем республиканцев¹⁷.

В то же время в штатах, контролируемых Демократической партией, (таких как Калифорния, Нью-Мексико, Миннесота, Нью-Йорк и Орегон) демократы заблокировали любые попытки ввести ограничения на владение или покупку недвижимостью иностранцами. Так, в Калифорнии сенатский законопроект 1084, предложенный сенатором-демократом М. Хуртадо,

¹⁶ *Committee of 100* (2024) Federal and State Bills Restricting Property Ownership by Foreign Entities. Available at: <https://www.committee100.org/our-work/federal-and-state-bills-prohibiting-property-ownership-by-foreign-individuals-and-entities/> (accessed 2 March 2024).

¹⁷ Показательно, что во всех этих штатах полностью запрещены аборты. На сегодняшний день – это один из ключевых показателей социальной консервативности штата.

который предполагал запрет на покупку сельскохозяйственных земель иностранными государствами, был заблокирован губернатором штата в сентябре 2022 г.¹⁸

На федеральном уровне ситуация 2022 г. повторилась спустя 2 года, когда Комитет по иностранным инвестициям начал изучать покупку земли рядом с авиабазой Трэвис в Калифорнии некоей кампанией *Флэннери*, зарегистрированной в штате Делавэр. Параллельно с этим расследованием законодательное собрание штата Флорида приняло один из самых жестких законов¹⁹, ограничивающих право собственности для китайцев. Закон, подписанный губернатором штата в мае 2023 г., запрещает китайцам покупать какую-либо землю сельскохозяйственного назначения и любую собственность в десятимильной зоне от военных баз или любой критической инфраструктуры, к которым, например, отнесены и аэропорты²⁰. В отношении Китая особенным ограничением является любая принадлежность или связь с КПК. Китайцы, уже владеющие собственностью, должны сообщить о своем владении властям штата. Закон прошел без возражений от демократов в комитетах, однако на этапе голосований в палатах против него проголосовали 17 конгрессменов-демократов²¹ и 8 сенаторов-демократов²². В Сенате штата Флориды из 39 человек – 12 демократов, а в Палате представителей из 119 конгрессменов – 36 демократов.

Еще одна сфера, на которую постепенно распространяется антикитайская кампания в республиканских штатах, – образование. Начало также было положено на федеральном уровне. В апреле 2021 г. сенаторы-республиканцы от штата Аризона Том Коттон и Томми Тубервиль и сенатор от штата Теннесси Марша Блэкберн предложили на рассмотрение Комитета по международным делам законопроект под названием *Secure Campus Act 2021* (Обеспечим безопасность студенческих кампусов 2021)²³. Параллельно такой же законопроект предложили на рассмотрение в комитете Палаты представителей по иммиграции и гражданству²⁴. Здесь авторами также выступили

¹⁸ Symon E. (2022) Newsom Vetoes Bill To Prohibit Foreign Governments From Buying CA Agricultural Land. *California Globe*, 22 September. Available at: <https://californiaglobe.com/fr/newsom-vetoes-bill-to-prohibit-foreign-governments-from-buying-ca-agricultural-land/> (accessed 2 March 2024).

¹⁹ Закон выделяет 6 стран, «вызывающих наибольшее беспокойство», гражданам и юридическим лицам которых запрещены покупка и владение любых земель и недвижимости в штате. Кроме Китая, это Россия, Иран, Северная Корея, Венесуэла и Сирия.

²⁰ JD Supra (2023) What Florida's SB 264 Means for Foreign Ownership of Real Property. 30 October. Available at: <https://www.jdsupra.com/legalnews/what-florida-s-sb-264-means-for-foreign-6749101/> (accessed 2 March 2024).

²¹ *The Florida Senate* (2023) The Florida House of Representatives 2023 Regular Session. Available at: https://www.flsenate.gov/Session/Bill/2023/264/Vote/HouseVote_s00264e1440.PDF (accessed 2 March 2024).

²² *The Florida Senate* (2023) The Florida Senate 2023 Regular Session. Available at: https://www.flsenate.gov/Session/Bill/2023/264/Vote/SenateVote_s00264e1056.PDF (accessed 2 March 2024).

²³ *Library of Congress* (2021) S.1311 – SECURE CAMPUS Act of 2021. 22 April. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1311/cosponsors> (accessed 2 March 2024).

²⁴ *Library of Congress* (2021) H.R.2787 – SECURE CAMPUS Act of 2021. 19 October. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/2787/cosponsors> (accessed 2 March 2024).

республиканцы – Дэвид Кустофф, представитель 8-го округа штата Теннесси, Скотт Перри от 10-го округа штата Пенсильвания, Томас П. Тиффани, 7-й округ штата Висконсин, Эрик А. Кроуфорд, 1-й округ штата Аризона, и Грегори Стойбе, 17-й округ штата Флорида. Оба законопроекта предлагают запретить выдавать студенческие визы и визы по академическим обменам гражданам Китая (за исключением граждан Тайваня и Гонконга). Институты, которые участвуют в федеральных студенческих программах и программе по академическим обменам, должны были бы ежегодно отчитываться, что у них не обучаются китайские студенты и аспиранты по программам естественных, технических наук и математики (STEM). Оба эти законопроекта так и остались в комитетах и не получили пока дальнейшего продвижения. Но они весьма показательны с точки зрения настроений в республиканском лагере, которые в полной мере проявили себя уже на уровне республиканских штатов.

Вслед за федеральными инициативами республиканские штаты начали принимать ограничения, касающиеся китайских студентов. В частности, во Флориде в мае 2023 г. был принят законодателями и подписан губернатором ДеСантисом законопроект *B 846*, ограничивающий возможность государственных колледжей и университетов нанимать выпускников-китайцев на исследовательские позиции, включая лаборантов²⁵. Он также ограничивает государственным колледжам и университетам возможность заключать партнерские контракты с китайскими университетами, компаниями или физическими лицами, в том числе на исследования. Так же, как закон, ограничивающий право собственности, этот касается не только Китая, но и других пяти «*стран, вызывающих беспокойство*», – Венесуэлы, Ирана, России, Северной Кореи и Сирии. Решения о найме иностранного сотрудника или участия в гранте с этими странами будет принимать Совет управляющих штата, который будет рассматривать в каждом конкретном случае целесообразность найма или гранта, соотнося их с возможными угрозами безопасности.

Между тем ежегодно Университет Флориды нанимает более тысячи студентов из стран, «*вызывающих наибольшее беспокойство*». В 2020 г. 40% выпускников, которых наняли на работу в Университете, были гражданами Китая. Закон не касается студентов из этих стран, которые пока могут учиться в государственных колледжах и университетах Флориды. Закон был принят единогласно. В обеих палатах демократы голосовали вместе с республиканским большинством. Однако картина немного меняется, если посмотреть на работу комитетов, обсуждавших этот законопроект. На этапе прохождения Комитета по высшему образованию все демократы (трое

²⁵ AASF (2024) Florida SB 846 Explainer. Available at: <https://www.aasforum.org/wp-content/uploads/2024/01/Florida-SB-846-Explainer.pdf> (accessed 2 March 2024); *The Florida Senate* (2023) CS/CS/SB 846: Agreements of Educational Entities with Foreign Entities. Available at: <https://www.flsenate.gov/Session/Bill/2023/846> (accessed 2 March 2024).

из десяти членов комитета) проголосовали против него²⁶. В судебном комитете, включающем 12 членов, из трех демократов двое проголосовали против законопроекта²⁷.

По всей видимости, работа на уровне комитетов как менее публичная (несмотря на то, что вся информация представлена на официальном сайте) позволяет конгрессменам более свободно выражать свою позицию, даже если она расходится с позицией большинства. Финальное же голосование в гораздо большей мере публичное мероприятие, и фактор работы на электорат доминирует. В консервативных штатах в законодательных собраниях, контролируемых республиканцами, конгрессмены-демократы часто голосуют вместе с большинством. Поэтому именно на уровне комитетов можно проследить партийные различия в позициях.

В то же время в тех штатах, которые принято относить к демократическому лагерю, реализуются и поддерживаются различные программы интеграции этнических групп, в том числе китайцев. Один из показательных процессов интеграции иностранцев и этнических меньшинств связан с повышением языковой доступности для них городской среды.

Как и с другими социальными процессами, этот был запущен федеральным правительством. Институционализирующий шаг в отношении языковой доступности был сделан на федеральном уровне в 2000 г., с принятием исполнительного указа 13166. В соответствии с ним федеральные агентства и все структуры, получающие финансирование из федерального бюджета, должны были предпринимать «разумные шаги», чтобы обеспечить гражданам, недостаточно владеющим английским языком, доступ к их услугам²⁸. Следом за этим распоряжением штаты, а за ними и муниципальные власти городов начали вносить поправки в свои административные кодексы, регулирующие языковую доступность государственных услуг.

Поскольку в соответствии с указом 13166 федеральное правительство может лишить финансирования агентство на уровне штата или местном уровне, если оно не следует требованиям Указа, то определенные шаги в этом направлении постепенно принимались. Однако если демократические штаты действовали достаточно оперативно и постепенно переходили к тому, чтобы самостоятельно расширять условия и требования положений о языковой доступности, то власти республиканских штатов и городов не торопились с реализацией этих требований или сводили их к минимуму. Это приводило к судебным искам и действительному прекращению финансирования.

²⁶ *The Florida Senate* (2023) The Florida Senate Committee Vote Record. 7 March. Available at: <https://www.flsenate.gov/Session/Bill/2023/846/Vote/2023-03-07%200400PM~S00846%20Vote%20Record.PDF> (accessed 2 March 2024).

²⁷ *The Florida Senate* (2023) The Florida Senate Committee Vote Record. 29 March. Available at: <https://www.flsenate.gov/Session/Bill/2023/846/Vote/2023-03-29%201200PM~S00846%20Vote%20Record.PDF> (accessed 1 March 2024).

²⁸ *Civil Rights Division - Department of Justice* (n.d.) Executive Order 13166. Available at: <https://www.justice.gov/crt/executive-order-13166> (accessed 2 March 2024).

Так, например, в 2018 г. Министерство здравоохранения и социальных служб начало проверку в отношении министерства социальных служб штата Алабамы и приостановило финансирование программы социальной поддержки детей, потому что то, как она реализовывалась, нарушало требования Указа 13166²⁹.

Однако Указ – это фактически единственный инструмент федерального правительства реализовать политику равноправного доступа к социальным услугам граждан с ограниченным знанием языка, и его возможности ограничены узким кругом социальных программ, финансируемых из федерального бюджета. Большая же часть услуг властей штатов и муниципалитетов финансируется из местных бюджетов, никак не контролируется федеральным правительством, а потому существенно варьируется от штата к штату, от города к городу в зависимости от партийного контроля.

Например, в Сан-Франциско (шт. Калифорния) в 2001 г. была принята поправка в административный кодекс о «языковой доступности», направленная на то, чтобы максимально снизить языковой барьер для граждан, для которых английский не является родным языком³⁰. За прошедшие 23 года это положение административного кодекса несколько раз обновлялось, включая все больше требований для местных органов власти по обеспечению равного доступа к их сервисам граждан, не владеющих английским языком. Последняя поправка была принята 11 июня 2024 г. По этому постановлению китайский является таким же обязательным языком для городских служб, как испанский и английский. Это означает, что все сервисные и экстренные службы города должны предоставлять информацию по телефону на китайском языке, предоставлять перевод при личном общении, предоставлять по запросу перевод официальных бумаг и записей встреч, обращений и выступлений властей. Соответственно городским службам рекомендуется увеличивать число персонала, говорящего на нескольких языках как на родных. Новая поправка уменьшила порог численности этнической группы, не говорящей на английском языке, с 10 тысяч до 6 тысяч для введения языка в список обязательных для городских служб³¹.

Подобные поправки стали появляться в административных кодексах разных городов демократических штатов в последние двадцать лет. Китайский язык не везде отдельно оговаривается, но по мере роста китайского населения он включается в список в тех городах, где численность населения, говорящего на нем, достигает необходимого минимума (у каждого города и штата свой порог).

²⁹ Adelson B. (2018) Federal Language Access Enforcement in the State of Alabama. *Bromberg Translation*, 10 January. Available at: <https://www.brombergtranslations.com/federal-language-access-enforcement-in-alabama/> (accessed 2 March 2024).

³⁰ *American Legal Publishing* (n.d.) Chapter 91: Language Access. Available at: https://codelibrary.amlegal.com/codes/san_francisco/latest/sf_admin/0-0-0-21059 (accessed 3 March 2024).

³¹ Благодаря этому снижению впервые вьетнамский язык попал в этот список.

Между тем южные штаты, контролируемые Республиканской партией, где дискриминация этнических и расовых меньшинств по-прежнему более распространена, отличаются низким уровнем языковой доступности по сравнению с федеральными стандартами как на уровне властей штатов, так и на уровне отдельных городов³².

Антикитайские настроения в обществе

Антикитайские настроения стали заметны и на уровне общества, однако так же, как в случае с законодательными инициативами штатов, градус негативного отношения явно отличается по партийной линии. На национальном уровне, несмотря на действительно сформировавшийся за десятилетия экономический симбиоз США и Китая, политическим партиям довольно быстро (так же, как в случае с Россией) удалось воскресить в обществе давнее недоверие к Китаю и создать прочное негативное отношение большинства американцев. Согласно исследованиям, проведенным Пью Рисерч в 2023 г., 50% американцев видели в Китае наибольшую угрозу для США (Россия на втором месте в таких опросах, несмотря на открытый конфликт – 17%). При этом подобное восприятие особенно превалирует у консервативных республиканцев, 74% которых ставят Китай на первое место в шкале стран-угроз для США, в то время как только 40% либеральных демократов и 47% умеренных избирателей от обеих партий относят Китай к первостепенным угрозам. Для сравнения: в 2014 г. Китай был на втором месте после Северной Кореи, а в 2007 г. – на третьем месте после Ирана³³.

Азиатское население – самое быстро растущее в США. По данным 2023 г. оно составляло 7,1% (23,5 млн человек) из которых 3 млн относят себя к этнически смешанной группе. При этом китайцы³⁴ представляют из себя самую большую подгруппу в этой этнической группе – 22% (5,3 млн человек)³⁵. Из них 63% проживают в шести штатах – Калифорнии (самая большая диаспора – 34,4%), Нью-Йорке (15,9%), Техасе (4,9%), Гавайях (4,1%) и Висконсине (3,8%)³⁶. Такая многочисленность неизбежно делает их объектом нападков и бытовой дискриминации³⁷, особенно если для этого властями создается определенный климат.

³² Devarajan M. (2023). Language access at the ballot box lags in a diversifying South. *Facing South*, 27 September. Available at: <https://www.facingsouth.org/2023/09/language-access-ballot-box-lags-diversifying-south> (accessed 1 March 2024).

³³ Silver L., Devlin K., Huang C. (2021) Most Americans Support Tough Stance Toward China on Human Rights Economic Issues. *Pew Research Center*, 4 March. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2021/03/04/most-americans-support-tough-stance-toward-china-on-human-rights-economic-issues/> (accessed 6 March 2024).

³⁴ Выходцы из материкового Китая и из Тайваня считаются как две разные группы.

³⁵ *USA Facts* (2023) AAPI Demographics: Data on Asian American ethnicities, geography, income, and education. 25 April. Available at: <https://usafacts.org/articles/the-diverse-demographics-of-asian-americans/> (accessed 3 March 2024).

³⁶ Nguyen A., Treece M. (2024). Exploring the Diversity & Growth of the Asian American Population. *The Census Bureau*, 22 February. Available at: <https://www2.census.gov/about/training-workshops/2024/2024-02-22-asian-americans-presentation.pdf> (accessed 6 March 2024).

³⁷ Ruiz N., Im C., Tian Z. (2023) Discrimination experiences shape most Asian Americans' lives. *Pew Research Center*. 30 November. Available at: <https://www.pewresearch.org/race-and-ethnicity/2023/11/30/discrimination-experiences-shape-most-asian-americans-lives/> (accessed 1 March 2024).

Опасения, отраженные в опросах общественного мнения, выливаются в различные акты насилия в отношении азиатов, вне зависимости от их гражданства. Случаи стали особенно частыми в период пандемии, когда право-консервативное крыло Республиканской партии активно продвигало «китайскую версию» происхождения вируса. Нью-Йорк Таймс в 2020 г. запустила проект отслеживания по новостной ленте случаев агрессивного поведения (вербальное оскорбление, физическое нападение, вандализм) в отношении азиатов³⁸. Больше всего таких случаев было зафиксировано в больших городах штатов со значительным азиатским населением.

Сейчас растущая антикитайская риторика на федеральном уровне трансформируется в то, что азиатское население вновь оказалось в фокусе общественного внимания, особенно в городах с традиционно высоким уровнем ксенофобии в отношении меньшинств. Это в большей степени характерно для штатов Юга, контролируемых республиканцами.

Многие эксперты считают, что у антикитайских настроений в американском обществе долгая история, которая уходит корнями к первым антикитайским погромам в XIX в. и к Закону 1882 г. об исключении китайцев – первом законе в истории США, который ввел депортацию выделенной этнической группы (Teng, 2013). В то же время история антикитайских настроений в США показывает, что большинство вспышек насилия в отношении китайцев инициировались политиками (Ngai, 2022), так же, как это происходит в последние годы. Экономическое и геополитическое противостояние США с Китаем возвращает к жизни старые стереотипы, которые активно используются популистскими правоконсервативными политиками в ходе избирательных кампаний для привлечения протестного электората на свою сторону.

Однако в условиях растущего числа китайского населения в самих США на уровне общества популистские высказывания нередко воспринимаются как сигнал к насилию в отношении конкретно указанной этнической группы. В условиях информационной открытости, которую гарантируют социальные сети, запущенная волна, с одной стороны, очень легко достигает большого охвата, а с другой стороны, используется уже либеральной прессой в качестве иллюстрации «дикости» сторонников Республиканской партии, тем самым усугубляя расколы в американском обществе по партийной линии. Получается, что «китайская угроза» в силу того, что китайцы за последние десятилетия активной миграции в США перестали быть неким абстрактным представителем внешнего врага, а стали растущей частью американской нации, не только не помогает объединению нации, а еще больше ее раскалывает по партийной линии.

³⁸ Cai W., Burch A., Patel J. (2021) Swelling Anti-Asian Violence: Who Is Being Attacked Where. *The New York Times*, 3 April. Available at: <https://www.nytimes.com/interactive/2021/04/03/us/anti-asian-attacks.html> (accessed 2 March 2024).

Заключение

Проявленный на федеральном уровне двухпартийный консенсус в отношении Китая, состоящий в позиционировании его в качестве основной экзистенциальной угрозы для США, вопреки ожиданиям наблюдателей создает лишь видимость единства партий. За концептуальным согласием скрываются разные подходы и методы к реализации стратегии сдерживания Китая, основанные на различных идейно-концептуальных моделях двух партий.

Анализ партийных платформ, стратегий национальной безопасности, антикитайских инициатив, обсуждаемых и принятых на уровне штатов и опросов общественного мнения, показывает, что борьба с внешней угрозой мобилизует двухпартийное взаимодействие исключительно в рамках китайской тематики на федеральном уровне, никак не решая вопрос национального единства как на уровне политической элиты, так и на уровне общества.

Понимание «китайской угрозы» у демократов и республиканцев остается разным, несмотря на консенсусное признание ее существования. Более того, на текущем этапе межпартийный компромисс по этой теме соседствует с внутривластной фракционностью. Исторический опыт смены прокитайского консенсуса в политических партиях США на текущий антикитайский дает возможность также предположить, что различные внутривластные позиции в отношении Китая могут постепенно привести к трансформации формулы компромисса при изменении экономических и внешнеполитических условий. А общественные настроения будут довольно быстро меняться вслед за изменением политической риторики. Однако ограничительные меры на уровне республиканских штатов могут сохраняться вне зависимости от изменения концептуальной рамки.

Список литературы

1. Баталов Э.Я. (2001) *Русская идея и американская мечта*. М.: «Прогресс-Традиция».
2. Богаевская О.В. Журавлева В.Ю. (2021) Белый рабочий класс как основа электро-рата Трампа. *Мировая экономика и международные отношения* 65 (11): 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-5-14.
3. Журавлева В.Ю. (2014) Идейно-политические корни американского лидерства. *США и Канада: экономика, политика, культура* (11): 19-32.
4. Журавлева В.Ю. Черкашин М.И. (2023) Формирование концепции «китайской угрозы» в экспертно-политическом дискурсе США. *Мировая экономика и международные отношения* 67 (11): 35-45. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-11-35-45.
5. Курилла И.И. (2024) *Американцы и все остальные. Истоки и смысл внешней политики США*. М.: «Альпина Паблишер».
6. Bafumi, Joseph, and Joseph M. Parent. (2012) International Polarity and America's Polarization. *International Politics* 49 (1): 1-35.
7. Borg, S. (2024) A Battle for the Soul of This Nation: How Domestic Polarization Affects US Foreign Policy in Post-Trump America. *International Journal* 79(1): 22-39. DOI: 10.1177/00207020241232986.
8. Easton D. (1965) *A Systems Analysis of Political Life*. Wiley.
9. Gries P.H. (2010) Political Orientation, Party Affiliation and American Attitudes towards China. *Journal of Chinese Political Science* (15): 219-244. DOI: 10.1007/s11366-010-9115-1.

10. Jentleson B.W.(2014) *American Foreign Policy. The Dynamic of Choice in the XXI century*. W.W. Norton & Company Inc.
11. Jeong, G.-H., & Quirk, P. J. (2019) Division at the Water's Edge: The Polarization of Foreign Policy. *American Politics Research* 47(1): 58–87. DOI:10.1177/1532673X17719721.
12. Kaplan M.A. (1962) *System and process in international politics*. John Wiley and Sons Inc.
13. Layman G.C. and Carsey T.M. (2002) Party Polarization and «Conflict Extension» in the American Electorate. *American Journal of Political Science* 46(4): 786–802 DOI: 10.2307/3088434.
14. Levendusky M. (2017) Americans, Not Partisans: Can Priming American National Identity Reduce Affective Polarization? *The Journal of Politics* 80 (1): 000–000 DOI: 10.1086/693987.
15. Mao J. (2015) *Asia First: China and the making of the modern American conservatism*. The University of Chicago Press.
16. Mirilovic N., Kim M. (2016) Ideology and Threat Perceptions: American Public Opinion toward China and Iran. *Political Studies* 65(1): 179–198. DOI: 10.1177/0032321715614850.
17. Myrick R. (2021) Do external threats unite or divide? Security crises, rivalries and polarization in American foreign policy. *International Organization* 75 (4): 921–958. DOI: 10.1017/S0020818321000175.
18. Ngai M. (2022) *The Chinese Question: The Gold Rushes, Chinese Migration, and Global Politics*. W.W. Norton & Company Inc.
19. Nordlinger (1996). *Isolationism Reconfigured: American Foreign Policy for a New Century*. Princeton University Press.
20. Teng E.J. (2013) *Eurasian. Mixed Identities in the United States, China and Hong Kong, 1842–1943*. University of California Press.
21. Turner O. (2014) *American images of China: identity, power, policy*. Routledge.
22. Zhou J. (2023) *Great power competition as the new normal of the China-US relations*. Palgrave Macmillan.

Comparative Politics. Volume 15. No. 1. January–March / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-1-15-22-44

US BIPARTISAN CONSENSUS ON CHINA: THE MAKING AND THE IMPLEMENTATION

Dr. Victoria Yu. ZHURAVLEVA – Deputy Director, Head of the Center for North American Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

ORCID 0000-0003-1911-625X. E-mail: zhvika@imemo.ru
23, Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997

Received March, 22 2024

Accepted May 25, 2024

Abstract: According to the most experts, there is a bipartisan consensus in the United States regarding China: both parties recognize that China poses an existential threat to the United States, its economy, socio-political structure and the role as a global leader. This core conceptual consent represents a clear contrast with the endless battles between Democrats and Republicans in the domestic political arena, blocking any legislative initiatives and the development of a unified socio-political agenda for the country. This rare unity has made many observers to claim the emergence

of a new external enemy, in the face of which America will be able to overcome its identical crisis and to come back to national unity. The political elite also actively uses the image of the enemy, calling on the Nation for unity. This article is aimed to understand what lies behind political slogans and the bipartisan concept of confronting China. The study is based on the analysis of several sources that make it possible to judge the attitude towards China in the United States along party lines, specific to each level of the party-political system – party platforms at the federal level, legislative initiatives at the state and city levels, public opinion polls at the level of the society. The research hypothesis is that Democrats and Republicans, who agree on the conceptual vision of the Chinese threat, offer different ways to counter it. The difference in methods of struggle stems from different ideological and value models that manifest themselves in the implementation of both the socio-economic agenda within the country and foreign policy strategies in the international arena. The unity of the parties ends exactly by the developing of a conceptual framework for confrontation with the opponent. The implementation of specific steps of the anti-Chinese agenda at the state and city levels is taking place in accordance with the ideological and political guidelines of each party, and the public attitude towards the Chinese threat demonstrates a clear split along party lines. The conceptual positioning of a new external enemy instead of unification brought to the United States anti-Chinese hysteria among conservative politicians at the state level, which was realized in the adoption of discriminatory laws in Republican states against Chinese citizens and a new wave of anti-Chinese sentiment in society, manifested in outbreaks of violence against Asian minorities.

Keywords: bipartisan anti-Chinese consensus, strategic competition, external enemy, anti-Chinese hysteria, discriminatory legislations, ethnic minorities, Democratic Party, Republican Party, party platforms

References:

1. Bafumi, Joseph, and Joseph M. Parent. (2012) International Polarity and America's Polarization. *International Politics* 49 (1):1–35.
2. Batalov E. (2001) *Russkaya ideya i amerikanskaya mechta [Russian Idea and American Dream]*. Progress-Traditzia. (In Russian).
3. Bogaevskaya O. Zhuravleva V.Yu. (2017) Belyj rabochij klass kak osnova elektorata Trampa. [The White working class as Trump electorate base]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]* 65 (11): 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-5-14. (In Russian).
4. Borg, S. (2024). A Battle for the Soul of This Nation: How Domestic Polarization Affects US Foreign Policy in Post-Trump America. *International Journal* 79(1): 22–39. DOI: 10.1177/00207020241232986.
5. Easton D. (1965) *A Systems Analysis of Political Life*. Wiley.
6. Gries P.H. (2010) Political Orientation, Party Affiliation and American Attitudes towards China. *Journal of Chinese Political Science* (15): 219–244. DOI: 10.1007/s11366-010-9115-1.
7. Jentleson B.W.(2014) *American Foreign Policy. The Dynamic of Choice in the XXI century*. W.W. Norton & Company Inc.
8. Jeong, G.-H., & Quirk, P. J. (2019) Division at the Water's Edge: The Polarization of Foreign Policy. *American Politics Research* 47(1): 58–87. DOI: 10.1177/1532673X17719721.
9. Kaplan M.A. (1962) *System and process in international politics*. John Wiley and Sons Inc.
10. Kurilla I. (2024) *Amerikancy i vse ostal'nye. Istoki i smysl vneshnej politiki SSHA [Americans and all others. Origins and meaning of US foreign policy]* Alpina Publisher. (In Russian).
11. Layman G.C. and Carsey T.M. (2002) Party Polarization and «Conflict Extension» in the American Electorate. *American Journal of Political Science* 46(4): 786–802 DOI: 10.2307/3088434.

12. Levendusky M. (2017) Americans, Not Partisans: Can Priming American National Identity Reduce Affective Polarization? *The Journal of Politics* 80 (1): 000–000 DOI: 10.1086/693987.
13. Mao J. (2015) *Asia First: China and the making of the modern American conservatism*. The University of Chicago Press.
14. Mirilovic N., Kim M. (2016) Ideology and Threat Perceptions: American Public Opinion toward China and Iran. *Political Studies* 65(1): 179–198. DOI: 10.1177/0032321715614850.
15. Myrick R. (2021) Do external threats unite or divide? Security crises, rivalries and polarization in American foreign policy. *International Organization* 75 (4): 921–958. DOI: 10.1017/S0020818321000175.
16. Ngai M. (2022) *The Chinese Question: The Gold Rushes, Chinese Migration, and Global Politics*. W.W. Norton & Company Inc.
17. Nordlinger (1996). *Isolationism Reconfigured: American Foreign Policy for a New Century*. Princeton University Press.
18. Teng E.J. (2013) *Eurasian. Mixed Identities in the United States, China and Hong Kong, 1842–1943*. University of California Press.
19. Turner O. (2014) *American images of China: identity, power, policy*. Routledge.
20. Zhou J. (2023) *Great power competition as the new normal of the China-US relations*. Palgrave Macmillan.
21. Zhuravleva V.Yu. (2014) Idejno-politicheskie korni amerikanskogo liderstva. [Ideas and politics in the base of American lidership] *SHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura [US and Canada: economy, politics and culture]* (11): 19–32. (In Russian).
22. Zhuravleva V.Yu., Cherkashin M.I. (2023) Formirovanie koncepcii «kitajskoj ugrozy» v ekspertno-politicheskom diskurse SSHA [Shaping of the “China threat” concept in the US expert-political discourse] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relation]* 67(11): 35–45. (In Russian).